

---

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

---

Вячеслав ЛЮТЫЙ

«У БЕРЕГА ВОДА  
ЧИСТА И ХОЛОДНА...»

Красота и смысл в стихах  
Владимира Шемшученко

Туда, где пахнет яблоком и хлебом,  
Туда, где Бог людей своих хранит,  
Под русским некончающимся небом,  
Где все и вся — по-русски говорит.

*Владимир Шемшученко*

Совместить гражданскую тематику с пейзажными и собственно лирическими стихотворениями удается далеко не всякому автору. Подобное свойство таланта присуще, как правило, только большим поэтам. Во всех остальных случаях одни творческие приоритеты, теряя выразительность и единственность художественного высказывания, уступают другим — и перед читателем предстает по преимуществу либо трибун, либо певец затаенных переживаний.

---

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году. Окончил Воронежский политехнический институт и Литературный институт им. М. Горького. Публиковался в журналах «Подъем», «Сура», «Дон», «Наш современник», «Русское эхо», «Москва», «Волга-XXI век», «Сибирь», «Невский альманах», «Молодая гвардия», «Странник», «Простор» и др. Автор нескольких книг и статей о современной литературе.

Стихи Владимира Шемшученко почти всегда остро социальные, их отличает жесткость национальных и родовых акцентов, духовная определенность. Эти приметы воплощены в интонации, в словаре, в логике развития сюжета и его контрастах. С полным правом их можно отнести к «поэзии мысли». Однако образность и способность поэта совмещать далекое с близким и мгновенное с вечным выходят за границы подобного лирического ареала и рождают вещи поистине нежные и тонкие.

Новая книга стихотворений Шемшученко «Мысль превращается в слова»<sup>1</sup> знакомит нас с автором во многом универсальным, а название сборника словно бы говорит, что слова, напитанные мыслью, притягательны и широки, глубоки и подчас самодостаточны, поскольку в них живет красота, которая выше всякого рационального суждения. И в заглавном тезисе книги самым важным оказывается *превращение*.

Шемшученко здесь предстает фигурой неожиданной в каждой последующей строке. Он может проявиться тихо и доверительно, в жанровом отношении — занимательно. И вдруг возникает сюжетный поворот — или, точнее сказать, сюжетный перелом, — и образ автора становится предельно отчетлив, а речь его обретает твердость и непрекращаемую интонацию. В новом сборнике он кажется более лиричным по сравнению со своим литературным обликом прежних лет. Большой цикл стихотворений «Марине» является в этом смысле центром книги, в которой, разумеется, есть и другие тематические позиции. Однако такое единство любви и призвания, экзистенциальной тоски и социальной рефлексии, природных картин и жанра делают эту вещь своего рода «художественным позвоночником» всего корпуса представленных вниманию читателя поэтических повествований.

Чиркну спичкой — и станет светло,  
И в оконном стекле отраженье  
Передразнит любое движенье,  
И рука превратится в крыло...  
.....  
Вспомни, как не плясал под чужую дуду,  
Как старался в дугу не согнуться...  
Не гони меня — я без тебя пропаду,  
И стихи по земле разбредутся.  
.....  
Я вижу рождение зла и добра  
В лучах отраженного света.  
Я знаю, как черная смотрит дыра  
Из табельного пистолета.  
.....  
Перебранка полешек, бормотанье огня  
И волос твоих рыжих волнующий запах...  
Я тебя назову: свет осеннего дня  
Или, лучше, — предзимье на заячьих лапах.

У Шемшученко в построении сюжета очень большую роль играет созерцание. При чем автор, глядя в пейзаж или ситуацию, не остается вдалеке от событий, но как-то неумовимо к ним приближается, будто скользит и тем самым преодолевая дистанцию. В этом есть элемент кинематографа, хотя чувство меры позволяет поэту погасить движение и остановиться вовремя, не превращая дальше в фантазмагорию де-

<sup>1</sup> Владимир Шемшученко. Мысль превращается в слова. Избранные стихотворения. СПб.: Алетейя, 2020.

талей, что так примечательно в текстах модернистских авторов. Он помнит, что «Россия — это тишина», а русское созерцание приближает человека к самой материи бытия, преображая быт, который на деле — только малое, самое начальное средство, необходимое для прозрения.

Человеческая память живет в природе, в ее нерукотворных составных частях: реке, поле, лесе, которые однажды могут воспалиться и восстановить эпизоды прошлого: в печали — и радости, в беспощадном ужасе — и щедрости измученного сердца. Вот почему так много биографических отсылок в стихах поэта к истории рода и дружбе с корневыми, прошедшими жестокие испытания людьми, порой со страшной судьбой, но с незасохшим сердцем.

...Ты слышишь, как растет трава  
Из глаз единственного брата...  
.....  
Он был болен и знал, что умрет.  
Положив мою книгу на полку,  
Вдруг сказал: «Так нельзя про народ.  
В писанине такой мало толку».  
Я ему возражал, говорил,  
Что традиции ставят препоны,  
Что Мефодий забыт и Кирилл,  
Что нет места в стихах для иконы.

«Замолчи! — оборвал он. — Шпана!  
Что ты смыслишь! Поэзия — это...»  
И закашлялся. И тишина...  
И оставил меня без ответа.

Русское начало у Шемшученко никогда не пряталось и не отрекалось от самого себя, он — человек наследства. Красный и белый цвета в его строках постоянно спорят друг с другом, будто имперская Россия и ее советское воплощение. Ни один цвет не берет верх постоянно. Эти краски, каждая по-своему, дороги автору и вошли в его плоть и кровь. Между тем он с болью понимает, что сегодня русский человек на родной земле стал фигурой неприкаянной. Исподволь, более изображая, а не называя вещи должными именами, поэт предлагает читателю мизансцены, в которых азиатский уклад теснит изначальный, славянский: «Все назойливей запахи кухни восточной, / Но не многие знают — так пахнет беда». У него чрезвычайно обострено вглядывание и вслушивание в реальность. Он чувствует: что-то происходит, и обозначает — ЧТО. Осязает всей кожей: какие-то события готовятся и вот-вот свершатся, и обозначает — ПОЧЕМУ.

Проснусь среди ночи, как в детстве, луну отдышу  
В замерзшем окошке, и свет снизойдет к изголовью...  
У Господа я всепрощенья себе не прошу,  
Я только молю, чтобы сердце наполнил любовью.

Когда надо мной в одночасье нависнет вина  
За то, что себя возомнил и судьей, и пророком,  
Я чашу раскаянья радостно выпью до дна,  
Чтоб сын, повзрослев, из нее не отпил ненароком.

Многие приметы настоящего и прошлого Шемшученко показывает вскользь на фоне размеренной интонации лирического рассказа. Сочетание мелькнувшей жизненной грани, острой и ранящей, со спокойной сюжетной основой оказывается на редкость пронзительным. Точно так же построены и подготовлены почти все финальные строки самых важных стихотворений поэта. Примечательно, что, когда он пишет о природе или о любви, о быте или творческом призвании, у него совершенно непредсказуемо, но очень естественно в строке возникает человек русской идеи, русского уклада и русского характера («Как все просто, по-русски, без глупых прикрас»; «...от безбожных отцов не рождаются русские дети»; «Я — смиреннейший подмастерье, / данник русского языка»; «Мы ляжем в нашу землю здесь, мы не уйдем, мы коренные, / И рюмку водки с коркой хлеба оставим на краю стола»).

В художественном созерцании поэта есть одна важная особенность. Соприкасаясь с большими вещами, он не умаляет собственную мысль, не принимает свою зримую малость в виду огромных окружающих предметов. Он — их часть, которая столь же велика. Это слияние человеческого космоса с космосом вещественным, слияние *на равных началах*. Потому что *видимый человек* есть только тень человека *подлинного* («Между небом и мной — неразрывная нить»; «...тучи тычутся в колени / И тают от тепла руки»; «...заново научишься дышать / И чувствовать губами привкус звука»).

Не в последнюю очередь в таком мироощущении сказывается происхождение автора. Он может посетовать на «западный» Петербург, который ему куда ближе срединной и пестрой Москвы («Все никак не привыкну к лесам и болотам, / Не хватает простора глазам степняка»), однако все его стихи о городе теряются на фоне более общих сюжетов. Кажется, что в них нет сверхзадачи, лирического откровения. И в том — совсем не изъян поэта Владимира Шемшученко, тут видны бытийные провалы *города* как такового. Наверное, мы вплотную подошли к черте, отделяющей органичную жизнь от искусственной, вольное и радостное присутствие в мире — от вымороченного и безысходного. Близость подобной вехи в той или иной степени сказывается на всем строе современного ума и душевного обыкновения — в России это кажется несомненным...

У берега вода чиста и холодна.  
Прозрачные леса отчаянно красивы.  
Плесни-ка мне, дружок, карельского вина,  
Затеплим костерок — ну, хоть у этой ивы.

Она среди камней стоит, едва дыша —  
Объятия ветров настойчивы и грубы...  
Мы наберем с тобой сухого камыша  
И для нее сошьем из дыма лисью шубу.

Как дышится легко! Как звезды высоки!  
И воздух не горчит, а первым пахнет снегом...  
Я подниму с земли листочки-лепестки,  
И глубоко вдохну, и выдохну: О-н-е-г-а...

Говоря о превращении замысла в слово, необходимо обозначить творческие черты поэта, который, собственно, и осуществляет это, без преувеличения, волшебство. Фигура его противоречива, своенравная натура позволяет ему без церемоний, «прямо в губы» целовать слова. Хотя такой облик во многом напусковой: автор вслушивается

в звучание речи и искусно организует ее, оживотворяя художественными образами — и уходя от первоначальной сухости тревожащего сердце и душу замысла («Подснежник скукожился в банке, / Как ставшая былью мечта»). Поэт рисует нравы литературной среды в духе традиций Блока и Есенина, одновременно насыщая сюжет отблесками социальных явлений, драматизмом судьбы художника.

Позарастала жизнь разрыв-травой.  
Мы в простоте сказать не можем слова.  
Ушел, не нарушая наш покой,  
Безвестный гений, не нашедший крова.

У Шемшученко есть очень мудрое стихотворение, скромно определенное автором как «дидактика». Поэтическое вдохновение, по его словам, стоит соединять с реальным миром, с яркими чувствами, с любовью к Родине, с неподвластной разуму песней. Поэзия — вся здесь, рядом с нами и внутри нас, на грани видимого и невидимого. И в этом ее загадка и великая сила.

Не заглядывай в бездну, поэт —  
Жизнь земная всего лишь минутка.  
Расскажи, как цветет незабудка,  
Поднебесья вобравшая цвет.  
<...>  
Расскажи, как туманный рассвет  
Режет крыльями дикая утка...  
Не заглядывай в бездну, поэт —  
Своеволье не стоит рассудка.

У Владимира Шемшученко очевидна драгоценная для нынешнего времени особенность таланта: он способен видеть предмет и картину как нечто целостное. Острота художественного зрения позволяет ему вглядываться в детали, не расчленяя действительность на мертвые составные части, что с энтузиазмом душевнобольного делает сочинитель-постмодернист. Красота и смысл — не инструменты познания отчужденного мира, а часть человека и царства, в которое он был некогда призван Создателем. Хочется верить — не по ошибке.